
Ю.Я. Вин

ПРОСТРАНСТВО ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО СЕЛА
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ*

У живых людей имеются только «здесь» и «там», «вчера» и «послезавтра», «прежде» и «позже», «внутри» и «вне», «вверху» и «внизу». Но ни один нормальный человек совершенно определенно не говорит о времени и пространстве.

О. Розеншток-Хюсси

Современное историческое исследование, обращенное к изучению социокультурных институтов, которые обеспечивают неразрывность общественных и культурных связей социума и преемственность существования свойственных ему социальных структур и отношений¹, вряд ли окажется результативным без рассмотрения в качестве своих главных объектов лежащих в основании культуры универсалий. Важнейшими в гуманитарной науке общепризнаны категории времени и пространства². Именно этот постулат служит основанием для кристаллизации в современной социологии культуры концепции «культурной среды». Эта научная идея хорошо проецируется на жизненное пространство сельской общины в ее исторической ретроспективе. Обращаясь к названной проблеме, следует подчеркнуть особо интерпретацию пространства в современной когнитивной науке. Она рассматривает концепты онтологического пространства и времени в качестве основополагающих представлений о мироустройстве. При этом обыденное сознание зиждется на принципах вещецентризма, в соответствии с которыми

---

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 09-01-00048а).

¹ Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994. С. 50–53.

² Миньяр-Белоручева А.П. Язык историка. М., 2001. С. 25.

ми вещь первична, а ее признаки, будучи вторичны, проявляются в отношениях и изменениях в пространстве и во времени. В процессе формирования абстрактно-обобщенных представлений, которыми люди руководствуются в обыденной деятельности, собственно время постигается через пространство как развертывающиеся в нем изменения. Само же пространство в наивно-обобщенном видении мира соизмеримо прежде всего с двухмерной поверхностью, которую заполняют вещи³. Им так называемый здравый смысл предпосылает наивные концепции времени и пространства, которые обыденное сознание воспринимает как данность существования вещей. Без них нет измерений — нет расстояний, не различимы изменения. А потому обыденное сознание интересуется прежде всего образ заполненного, населенного пространства и времени как основных форм локализации вещей и событий в пространстве и времени⁴.

Согласно общепризнанным научным положениям, в историческом прошлом предметы осознавались и осмыслялись человеком как часть среды или пространства на основе представлений, в которых реализуется идея объединяющего пространство и время «хронотопа»⁵. С точки зрения языкового восприятия и когнитивных особенностей языковой категоризации один и тот же физический объект может восприниматься различным образом в зависимости от «топологического» взгляда на него человека⁶. Наряду с тем когнитивная концептуализация «пространства» позволяет вести анализ пространственных представлений во всей полноте их изменчивости от исторического прошлого к современности⁷. Что касается прошлого, это находит отображение и в обобщенно-целостном представлении человека о пространстве, неотъемлемой частью которого он себя ощущал. Важным компонентом подобных представлений становились принципы доступности пространства непосредственному наблюдению. В соответствии с тем пространство определяло поле зрения и положение объекта, устанавливавшее тождество меж-

---

³ Подробнее см.: *Никитин М.В.* Основания когнитивной семантики. СПб., 2003. С. 13–14 и далее.

⁴ Там же. С. 18, 23–24.

⁵ *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 254 и далее.

⁶ *Кравченко А.В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996. С. 32.

⁷ *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. С. 459–460 и далее.

ду концептами «пространства» и «места»⁸. Поэтому здесь уместно характеризовать особенности восприятия пространства в средние века сугубо отличным образом, нежели ныне. С одной стороны, пространство ни в коем случае не отделялось от времени, с другой — отношение к пространству определяла особая эмоциональная окраска, и оно вообще в жизни средневекового человека играло намного большую роль, чем в современности, где такое же примерно значение принадлежит времени⁹. В первую очередь, выдвинутые положения касаются средневекового восприятия географического пространства с присущими человеку той эпохи оценочными и морально-религиозными суждениями относительно глобальных понятий и представлений о земной жизни¹⁰. Они, несомненно, выражали обусловленную спецификой психологии средневекового человека сакрализацию времени и пространства, служивших также воплощением гомогенных, непрерывных, от вечности данных оснований для единиц измерения протяжения, плоскостей, объемов и иных мер, применяемых в повседневной человеческой деятельности¹¹.

Имея в виду специфику средневекового мышления, следует вспомнить об известном эссе П. Шейфера «Культурная среда общины»¹². В первых же строках своего очерка автор заявляет о необходимости рассматривать общину, подразумевая современный вариант самоуправляемого территориально-административного округа, как целостную среду обитания человека. Независимо от того, что она складывается из множества компонентов — социального, политического, экономического, эстетического, религиозного и личностного — канадский ученый призывает видеть в местной самоуправляющейся общине единое целое¹³. Подобный подход находит полное оправдание в методологических основаниях современной теории социальной организации пространства, которая зиждется на пости-

---

⁸ Там же. С. 466–468 и далее.

⁹ *Martin H. Mentalités Médiévales: XIe–XVe siècle.* Paris, 1996. P. 167; *Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen / Hrsg. P. Dinzelsbacher.* Stuttgart, 1993. S. 604.

¹⁰ Подробнее см.: *Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — Текст — Семисфера — История.* М., 1996. С. 239 и далее.

¹¹ *Петров М.К. Язык, знак, культура.* М., 1991. С. 273.

¹² Русский перевод см.: *Культуры: Пространство и коммуникации.* Париж, 1983. № 1. С. 133–164. Там же указано издание оригинального текста названной статьи П. Шейфера и основная библиография.

¹³ *Шейфер П. Культурная среда общины.* С. 133, 134–135 и далее.

жении последнего как важнейшего атрибута социального движения материи. «Социальное» содержание пространственных форм, с позиций названной теории, признано наиболее общим условием организации жизнедеятельности субъекта на пути становления подлинной общности людей. Город и деревня в рамках данного понимания проблемы организации социального пространства воспринимаются в роли особых качественных форм упорядочивания социума¹⁴. С этой точки зрения, деревню при низком уровне концентрации там искусственно созданных атрибутов социальности отличают крепкие узы с природной средой¹⁵. А главными факторами внутренней организации социального пространства признана нерасчлененность социального времени и естественно-природные посылки развития¹⁶.

Неслучайно поэтому одна из разделяющих взгляды П. Шейфера на окружающий сегодняшнего человека мир последовательниц концепции «культурной среды» отождествляет ее с той частью социальной среды, которая характеризует содержательную, качественную, ценностную сторону социальных процессов, воздействующих на личность¹⁷. Сам же названный ученый, касаясь вопроса об историческом прошлом общины, утверждает, что в средние века она была преимущественно религиозной, и вследствие этого главным институтом общины служила церковь. Жить внутри данной общины, согласно фигуральному выражению зарубежного мыслителя, означало жить в пределах слышимости звона церковных колоколов¹⁸. Даже в селениях разбросанного типа стоящие на некотором удалении от мест проживания церковь и кладбище оказываются главными вехами социального пространства¹⁹. В свою очередь отечественная сторонница концепции «культурной среды», прилагая оную к повседневной сельской жизни, ссылается на идущие издревле традиции сельской общины. Сложившиеся в ее недрах народные обычаи и нормы испокон веков регулировали жизнедеятельность сельских жителей. Правила их общего бытия передавались в

---

¹⁴ См.: *Виноградский В.Г.* Социальная организация пространства: (Философско-социологический анализ). М., 1988. С. 5–8, 75 и далее.

¹⁵ Там же. С. 85–86.

¹⁶ Подробнее см.: *Виноградский В.Г.* Социальная организация. С. 93 и далее.

¹⁷ *Михайлова Л.И.* Социология культуры. М., 1999. С. 109 и далее.

¹⁸ *Шейфер П.* Культурная среда общины. С. 134.

¹⁹ Ср.: *Pesez J.-M.* L'Habitat dispersé: un problème historique pour l'archéologue // L'Habitat dispersé dans L'Europe médiévale et moderne / Actes des XVIIIes journées internationales d'histoire de l'abbaye de Flaran. 15–16–17 Septembre 1996 / Ed. par B. Cursente. Paris, 1999. P. 22 etc.

поколениях изустно в ходе совместной деятельности и будничного общения, по словам того же культуролога, «на уровне обыденного сознания». Важнейшим элементом этой научной позиции является вывод о том, что древние традиции воздействуют на личность «через подсознательные структуры», т.е. интуитивно²⁰. К сожалению, затронутая проблема осталась на периферии основного направления хода научной мысли в рамках освещенной концепции. Дальнейшим шагом в ее развитии стал тезис о «социокультурных образцах» социально значимой деятельности, поведения и общения как средства идентификации личности в процессе ее социализации и роли в этом так называемой «социокультурной среде» — понятия, которое, увы, не получило надлежащего разъяснения²¹.

Вместе с тем, под каким бы углом зрения не рассматривать разные типы человеческих объединений, в соседской или сельской общине легко распознается естественно сложившаяся форма общности, нераздельно принадлежащая биосоциальной сфере социума, тогда как важнейшей предпосылкой складывания данной структуры признана ее территориальность, т.е. общее жизненное пространство²². Его анализ, однако, без сомнения, вызывает весьма ощутимые трудности в проведении исторического исследования, требуя выявления действующих на интуитивном и произвольном уровне мотивов и побуждений, в которых оказывается сокрытым коллективное бессознательное. Его истинная подоплека раскрывается общим ходом когнитивной эволюции архаического человеческого мышления со свойственным ему типом пространственно-образного восприятия действительности к знаково-символическому (логико-вербальному) типу с присущими ему мысленными образами, что предполагает радикальные культурные изменения и трансформацию мировоззренческих ценностей²³. Некоторые ученые признают это по существу, разграничивая основные формы коллективистического мышления и выделяя в их ряду средневековое²⁴. Осмысление ука-

---

²⁰ Михайлова Л.И. Социология культуры. С. 111.

²¹ См.: Там же. С. 166, 168 и далее.

²² Белик А.А., Резник Ю.М. Социокультурная антропология: (историко-теоретическое введение). М., 1998. С. 166.

²³ Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М., 1999. С. 63–64. Подробнее о когнитивных особенностях и эволюции архаического мышления человека см.: Там же. С. 68–69 и далее.

²⁴ Ивин А.А. Введение в философию истории. М., 1997. С. 93 и далее. Также см.: Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение. Курск, 2001. С. 44.

занного явления требует от исследователя высокого внимания к тем выразительным средствам языка, которые нередко в традиционных исторических трудах остаются в пренебрежении²⁵. В конечном счете историк обязан погружаться в семиосферу изучаемой эпохи с тем, чтобы в ее лоне установить условия и закономерности действия языков, составляющих семиотическое пространство, в котором живет человек прошлого. В этом смысле язык является функцией, сгустком семиотического пространства, вне которого, вне семиосферы нет ни языка, ни коммуникации²⁶. Определяя семиотическое пространство как семиосферу, Ю.М. Лотман вслед за В.И. Вернадским видит в ней результат и условие развития культуры²⁷. В то же время современный историк не должен игнорировать, как было сказано, достижения когнитивной науки, согласно которой акт речи знаменует собой работу с информацией, информация же представляет собой феномен когнитивный, рождающийся в процессах познания и восприятия мира. Во всех видах использования языка — будь то в коммуникации или дискурсе — рефлектируется та или иная деятельность с информацией (ее получение, обработка, хранение, извлечение и достижение новых знаний и т.д.). Все единицы языка, соответственно, тоже служат либо выражению информации, либо ее распределению, либо, наконец, членению потока информации и при том, делая это, они обслуживают как мыслительные процессы в голове отдельного человека, так и способствуют отражению опыта человечества в целом, фиксируя результаты восприятия и познания действительности. Без того, чтобы определить когнитивную сущность каждой единицы языка, каждой языковой категории и каждой языковой классификации, нельзя дать сколько-нибудь разумного объяснения и тем более — охарактеризовать их природу и функции²⁸.

В этой связи особо следует затронуть проблему мифа с точки зрения его возможного влияния на общество. Рассматриваемый с указанных позиций миф в традиционном обществе служит мощным средством социальной регуляции и сплоченности²⁹. Современные исследователи указывают на аккумуляцию социальной энергии,

---

²⁵ *Graus F. Mentalitäten im Mittelalter. Sigmaringen, 1987. S. 47.*

²⁶ *Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С. 163–164.*

²⁷ Там же. С. 165–166 и далее. Также см.: *Неретина С., Огурцов А. Время культуры. СПб., 2000. С. 274–275.*

²⁸ *Кубрякова Е.С. Язык и знание. С. 235–236.*

²⁹ *Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 145.*

которую миф направляет в определенное русло. Миф обеспечивает слияние восприятия и единство поведения отдельных индивидов, способствуя формированию коллективов, осознанию их членами идентичности коллективного субъекта и приданию объекту — занятой ими территории — определенной пространственной структуры³⁰. Данный подход позволяет обнаруживать органические общности, которым мифология помогает достичь социальной интеграции, идентифицировать их групповые связи и формы внутренней солидарности³¹.

В конечном итоге каждодневная активность человека должна получить достоверное освещение также с позиций теории социального пространства. Согласно одному из ее положений освоение древнейшими общинными коллективами определенной территории требовало досконального знания местности, а длительное пребывание в локально ограниченных ее пределах приучало человека видеть в окружавшем его пространстве единственный обжитой мир³². Надо подчеркнуть, что доселе в поле зрения последователей этой теории попадают преимущественно макрообъекты, которые несомненно выступали в качестве факторов организации социального пространства сравнительно крупного географического и топографического масштаба. Так, к их числу в эпоху господства традиционных форм развития техники по праву относятся дороги, города, порты, рынки, мельницы, как и религиозные центры³³.

Отмеченная закономерность, тем не менее, не препятствует тому, чтобы рассмотреть более подробно территорию села вместе с такими его объектами, которые очерчивали абрис социального пространства сельской общины. Затрагивая в этой связи проблему языкового воплощения воспроизводимого в сознании человека ушедшей в далекое прошлое эпохи восприятия территории в самом общем виде, ни в коей мере нельзя упустить из виду сравнительно редкое для средневековых актов непосредственное словесное выражение идеи пространства. Разумеется, в буквальной своей форме она раскрывается, прежде всего, в славянских текстах. В частности, с этого начинается старосербский перевод XV в. акта святогорского прота Феофана, обнаруженного в апреле 1312 г. по поводу споров

---

³⁰ *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996. С. 157–159.

³¹ Ср.: *Там же*. С. 163.

³² *Виноградский В.Г.* Социальная организация. С. 60.

³³ Ср.: *Ракитов А.И.* Философия компьютерной революции. М., 1991. С. 94.

относительно земельных владений запустевшего тогда монастыря Вериота³⁴. Наверное, именно потому сербский переводчик, следуя греческому прототипу, прежде всего вспоминает о периоде расцвета «богополезной» обители, когда она имела в своем распоряжении рационально используемую земельную территорию — ее жизненное «пространство». Эта мысль облекается в красочную риторическую форму: «Веріѡтова ѹснаа обѣтѣль иже прѣдъ лѣтѣхъ богокористна соѹщи пространство имѣла тогда...»³⁵. Показательно, что в греческом оригинале при всем его столь же живописном начале собственно идея пространства получает опосредованную, но синтаксически более точную, нежели славянская версия, формулу: «Веріотова честная обитель, в прежние лета будучи более богата, пространная (πεπλατισμένα) имела тогда и свои границы»³⁶.

Приводимый пример показывает, что метафорическое значение понятия «пространство» подразумевало его не вообще, а некую ограниченную его часть, становясь синонимом «места»³⁷. Тем не менее, речь должна идти об окружавшей сельское селение территории в целом. Недаром, как показывает анализ термина византийских источников «хорион», т.е. общепринятого в поздневизантийский период обозначения села, его нередко замещало понятие «хора», иначе говоря «область». Вероятно, подобная замена вполне отвечала обыденным представлениям византийских селян о месте их жительства как едином и неделимом пространстве, таким образом закрепляемым в обиходном разговорном языке. Ярким подтверждением тому служит одна из интерполяций, выявленных издателями подложной копии хрисовула Иоанна Кантакузина в пользу Ивирского монастыря, которая была составлена, по-видимому, на рубеже XIV–XV вв.³⁸ Подкрепляя права собственности монастыря на его метохии и храмы в селе Радоливо и прилегающих к нему поселках, составители подложной грамоты вместо обозначения «хорион» прибегли к понятию «хора», хотя здесь подразумевалось хорошо известное село, точно

---

³⁴ Подробнее см.: *Живојиновић М., Бубало Ђ.* Акт прота Теофана за манастир Вериота (април 1312, инд. 10) у старосрпском преводу XV века // *Зборник радова византолошког института.* Београд, 2003. Т. 40. С. 245–260. Указанная публикация содержит издание славянской версии документа (АПФ), и греческого оригинала (АРTh). См.: Там же. С. 257–260.

³⁵ АПФ.1.

³⁶ АРTh.1.

³⁷ См.: *Никитин М.В.* Основания когнитивной семантики. С. 14–15.

³⁸ См.: *Actes d'Iviron / Ed. dipl. par J. Lefort et al.* Paris, 1995. Vol. IV: Texte (Далее — Ivir. IV). Append. V.

так же, как они повторяют это понятие и в отношении селения Гултица (Γουλτζήτζα — читай: Βουλτζίστα)³⁹. В виду подложности этого документа сама по себе подмена словоупотреблений в данном случае никак не может объясняться причинами, обусловленными административным статусом этих селений. Основанием тому, судя по всему, служат в первую очередь распространенные в среде местных жителей пространственно-территориальные представления.

Здесь нужно также сослаться на многочисленные поздневизантийские практики (податные перечни крестьянства) и периорисмы (поземельные описания), составители которых размеры земельных владений на территории хориона зачастую выражали с помощью указаний на число, если сказать фигурально, используемых в процедуре измерений «веревко» или «оргий»⁴⁰. Конечно, в этом плане акты следовали традиции трактатов византийских землемеров, где описаны способы измерения земли с помощью названных приспособлений и соответствующих им счетных единиц⁴¹. Однако вовсе не употребление того или иного инструментария и форм счета определяло социокультурное измерение территории византийского села. С этой точки зрения уместно принять во внимание один из главных постулатов современной теории социального пространства, провозглашающий, что любое доиндустриальное общество призвано удовлетворять потребности человека в уединении и общении⁴². Оценивая с данных позиций «общую общительность» средневекового села, как выразили свою мысль французские медиевисты М. Бурэ и Р. Дюран, они называют в качестве неперемных атрибутов его жизненного пространства в первую очередь кузню, мельницу и источник воды, которые могут находиться на периферии общинной территории, тогда как сельский храм, по мнению ученых, всегда становится ее эпицентром⁴³.

---

³⁹ Ivir. IV. Append. V. 18–22. Также см.: *Paysages de Macédoine: leurs caractères, leur évolution à travers les documents et les récits des voyageurs* / Bellier P., Bondoux R.-C., Cheynet J.C. et al.; Pr. par J. Lefort. Paris, 1986. P. 134.

⁴⁰ Например, см.: *Actes d'Iviron* / Ed. dipl. par J. Lefort et al. Paris, 1994. Vol. III: Texte (Далее — Ivir. III). № 70.31–49, 160 etc., 318 etc., 388–389 etc.; № 75.59–83, 437 etc., 518 etc.; № 79.57–78, 425 etc., 508 etc.

⁴¹ *Schilbach E.* Byzantinische metrologische Quellen. Düsseldorf, 1970 (Далее — Quellen). Passim. См.: Ibid. I. 4. S. 46.23–26; II. 4. S. 54.15–16.; II. 26. S. 117.1–4. Подробнее см.: *Schilbach E.* Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 22 u. a.

⁴² См.: *Эйбс-Эйбсфельдт И.* Общественное пространство и его социальная роль // *Культуры: Пространство и коммуникация.* Париж, 1983. № 1. С. 118–119.

⁴³ *Bourin M., Durand R.* Vivre au village au Moyen Âge: les solidarités paysannes du 11e au 13e siècles. Paris, 1984. P. 19 etc.

К сожалению, византилисты, в первую очередь имеются в виду некоторые соотечественники названных ученых, характеризуя организацию социального пространства средневекового села на Балканах, соображения морально-этического плана, вопреки своим ближайшим коллегам, как правило, оставляют в стороне⁴⁴. Между тем, наблюдения над византийскими материалами свидетельствуют о том, что несчетные сельские храмы порою воздвигали непосредственно даже на пашенных или иных земельных наделах независимо от места их расположения на территории села⁴⁵. Правда, очевидна необходимость уточнить и дополнить приведенный перечень объектов, которые якобы в первую очередь характеризуют восприятие в глазах средневекового человека сельского пространства, ссылками не только на сложные постройки, такие, как мельницы и плотины, поселки и усадьбы. Их описания включают, в частности, множество иных топографических реалий, без которых невозможно в достоверности раскрыть «картину мира» средневекового селянина. Она предстает сложнейшей крупномасштабной картой с нанесенными на нее прежде всего тропами и дорогами, образовавшими строго иерархизированную систему путей сообщения⁴⁶. Близ них, по рожденной еще столетиями ранее традиции местные жители воздвигали призванные утешить усталых путников путевые «честные кресты», какой, к примеру, отмечен в кадастре Радоливо первых десятилетий XII в.⁴⁷ А сами многочисленные дороги и тропинки пролегали в окрестностях названного хорiona (села), соединяя его

---

⁴⁴ Прежде всего см.: *Lefort J., Martin J.-M. L'Organisation de l'espace rurale: Macédoine et Italie du Sud (Xe — XIIIe siècle) // Homme et richesses dans l'Empire byzantine. Paris, 1991. T. 2. P. 11–26; Paysages de Macédoine. P. 35 etc., 115–116; Lefort J. The Rural Economy. Seventh — Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. by A.E. Laiou. Washington, 2002. Vol. 1 (Далее — ЕНВ. I). P. 231–310. Там же указана основная литература.*

⁴⁵ Например, см.: *Τζαννετάτος Θ.Σ. Τὸ πρακτικὸν τῆς Λατινικῆς ἐπισκοπῆς Κεφαλληνίας τοῦ 1264 καὶ ἡ ἐπιτομή αὐτοῦ: Κριτικὴ ἐκδοσις αὐτῶν. Ἀθήναι: Δωδώνη, 1965. (Далее — Kefal. Pr.). Γράμμη 13, 24, 148, 202, 229–230, 605–606, 617, 738–739, 766, 773–775, 961–963.*

⁴⁶ Подробнее см.: *Lefort J., Martin J.M. L'Organisation. P. 22.*

⁴⁷ См.: *Actes d'Iviron / Ed. dipl. par J. Lefort et al. Paris, 1990. Vol. II: Texte (Далее — Ivir. II). № 53.331. О традиции установления путевых крестов подробнее см.: Schreiner P. Stadt und Gesetz — Dorf und Brauch: Versuch einer historischen Volkskunde von Byzanz: Methoden, Quellen, Gegenstände, Beispiele // Nachrichten d. Akad. d. Wissensch. zu Göttingen. I. Philolog.-hist. Kl. Göttingen, 2001. Jhrg. 2001. № 9. S. 587 (21)–588 (22). An. 57.*

с соседними полями и деревнями⁴⁸. Вместе с тем, главная особенность восприятия окружавшего пространства, выраженная в нерасчлененности представлений средневекового человека о природной среде и местах обитания, находила наиболее яркое воплощение в обустройстве границ землевладений. Их описания неразрывно сочетают естественно-природные и специально созданные искусственные сооружения, от отдельных древесных насаждений до межевых знаков, из века в век служивших селянам привычными и достоверными для них ориентирами⁴⁹. Так, границу земельного участка, проданного в 1008 г. крестьянами хориона Радохоста соседнему монастырю, обозначил и «честной крест», который воздвигли где-то у родника на речном берегу, и стоявший далее камень, что «издалека» будил в воображении селян образ «человека» (μίκοθεν φερόμενος ὡς ἄνθρωπος — sic!)⁵⁰. В конечном счете «карту» окружавшего их повседневного пространства столетиями испещряли порознь помеченные на ней дома, подобно «домам... с гумном»⁵¹, или хижины, оливковые и ореховые рощи, дубравы и даже отдельные деревья, среди которых в документах не обойдены молчанием «дуб большой» или «дуб-корневище»⁵².

Принимая во внимание все особенности таких поземельных описаний, хотелось бы указать на повторение в них от столетия к столетию многих ярких вех в неизменном виде. К примеру, сделанное в первой четверти XIV в. описание межи метоха Лавры Афанасия в Ликосхисме совпадает до мельчайших подробностей с описанием границ монастырских землевладений, размещавшихся в местности между Принарием или Платаном и Аэдаракастром в последней четверти XI в.⁵³ Принципиальное совпадение двух топографических описаний, безусловно, перенесенных из одного документа в другой, опосредует вековое однообразие восприятия окружавшего мира жителями существовавших там селений, повседневному взору которых окрестная местность открывалась на протяжении веков как неизменно самодовлеющая величина.

⁴⁸ См.: Ivir. III. № 55a.3–4, 5, 7–8, 9, 10, 12, 13, 14, 15.

⁴⁹ Lefort J., Martin J.M. L'Organisation. P. 23.

⁵⁰ См.: Actes de Lavra. Texte / Ed. dipl. par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. Paris, 1970. Vol. I. (Далее — Lavra I). № 14.13–14, 19.

⁵¹ См.: Kefal. Pr. 82, 868.

⁵² Например, см.: Kefal. Pr. 173, 679, 713–714, 848, 938, 1037, 1076.

⁵³ Actes de Lavra / Ed. dipl. par P. Lemerle et al. Paris, 1977. Vol. II: Texte (Далее — Lavra II). № 112.26–44. Ср.: Lavra I. № 42.42–60.

Конечно, необходимо иметь в виду уникальность византийского пейзажа, которую, в первую очередь, определяли сложные орографические условия⁵⁴. И там, где отвесные утесы вдоль прорезавших крутые отроги горных хребтов бурных ручьев замыкали узкие и тесные речные долины, выход из них лежал через пологие склоны поросших кустарниками планин. Поэтому в одном ряду с хозяйственными объектами, такими, как пашенные поля или виноградники и сады, равно и загоны для скота, любой поздневизантийский периорисм упоминает сугубо естественно-природные компоненты — горные гряды, гребни холмов, скалы и камни⁵⁵, русла рек и ручьев⁵⁶ и тому подобные топографические атрибуты местности, типа «два источника пустых», т.е. пересохших⁵⁷. Равным образом, описания границ селений, с неотъемлемой для них обязательностью включающие ссылки на естественно-природные ориентиры, одновременно указывали на искусственные сооружения, предназначенные выкроить в окружавшей односельчан природной среде уютный мир их повседневного бытия. Именно тому отвечало обустройство, что хорошо передает Кефаллиникский практик, границ и межей отдельных землевладений в поле⁵⁸. И если в кефаллиникской деревне обычная изгородь отгораживала сад⁵⁹, то согласно ивирскому практику севаста Иоанна Комнина начала XII в. — целый «хорион»⁶⁰.

Для разграничения владений разных собственников могла служить просто «вросшая» в землю каменная глыба⁶¹, а чаще собранные в кучи камни (*ἀρμάκα*), название которых становилось, по-видимому, синонимом близлежащих земельных участков⁶². Подобные сооружения бывали даже обозначением государственной межи или земельного участка⁶³. В поздневизантийский период смежные землевладения разделяли также рвы⁶⁴, каменная кладка (*λιθία*)⁶⁵ или всяческие другие обозначения

---

⁵⁴ Подробнее см.: *Geyer B. Physical Factors in the Evolution of the Landscape and Land Use // ЕНВ. I. P. 32–33*. Там же указана основная литература.

⁵⁵ Например, см.: *Kefal. Pr. 124, 128–128, 188 etc.; Ivir. III. № 61.23–24 etc.*

⁵⁶ Например, см.: *Kefal. Pr. 5, 19, 23, 25, 28, 38, 72, 80, 109, 113, 126, 159 etc.*

⁵⁷ *Kefal. Pr. 690–691*.

⁵⁸ Например, см.: *Kefal. Pr. 243*.

⁵⁹ Например, см.: *Kefal. Pr. 922*.

⁶⁰ *Ivir. II. № 52.172–173*. Также см.: *Ivir. № 52.417*.

⁶¹ Например, см.: *Kefal. Pr. 693–694*. Также см.: *Ivir. III. № 61.23–24*.

⁶² Например, см.: *Kefal. Pr. 85–87, 108–109, 299–300, 473*.

⁶³ Например, см.: *Kefal. Pr. 320*.

⁶⁴ Например, см.: *Kefal. Pr. 26, 57, 65, 73, 76, 79, 83, 108 etc.*

⁶⁵ Например, см.: *Kefal. Pr. 46, 134, 343–344, 819, 823, 958, 975*.

границ — столбы, кресты и рассеянные окрест сел межевые камни. Так, граница землевладений Ивирского монастыря между хорионом Мелициани и Липсохорионом пролегла по скалистому кряжу, будучи отмечена не только межевými метами-«лавратами», несколькими «каменными кучами» (λιθοσφραεία) — а они, согласно землеописанию последнего десятилетия XI в., бывали и «малыми», и «большими»⁶⁶, — но и установленным у ямы «черным каменным знаком» (σύνορον), а далее выходила к некоему возвышению — так называемой τύμβη, над которой виднелись останки заброшенного храма, откуда опускалась к болоту и следовала дальше⁶⁷.

В свою очередь, описания границ ивирского проастия (поместного поселка), а затем хориона Гурнон конца XIII — первой четверти XIV вв. показывают, что собственники обустраивали границы своих землевладений с установлением на них межевых знаков вполне упорядоченно (ἐνορδίως). Соответственно на границе названного имени были установлены древние каменные межевые знаки (σύνορα). Там же находились две парные каменные «оростасии» (δύο διδυμωτὰ λίθινα ὀροστάσια), из которых одна была черная, другая белая. Их дополняли также три «каменные кучи» (λιθοσφραεία), служившие, как отмечают поземельные описи, вместо межевого знака⁶⁸. Заметим, что сведения об упорядоченности (ἐνορδίως) сооружения межевых знаков в некоторых документах воспроизводятся систематически. Тем самым они подтверждают последовательность разграничений соседних землевладений. Соответственно это касается практически всех используемых византийцами способов обозначения границ земельных владений — от специальных межей-«лавратов» (λαυράτα), которые, скажем, были воздвигнуты на границе хорионов Пинсон и Василика, и мраморных межевых столбов, один из которых (κίων μαρμάρινος) украсил границу Неохориона, до устанавливаемых повсеместно межевых «знаков» (σύνορα) и сложенных руками домохозяев «каменных куч» (λιθοσφραεία или просто σφραεία), а также межей-«оростасий» (ὀροστάσια)⁶⁹. Тогда как «черный каменный острый межевой знак»

⁶⁶ См.: Ivir. II. № 45.36.

⁶⁷ См.: Ivir. III. № 70.38–43 etc.; № 75.69–74 etc.; № 79.65–70 etc.; Ivir. IV. № 86.58–62 etc.

⁶⁸ См.: Lavra II. № 90.76–77 etc., 83–84; № 108.19–21 etc.

⁶⁹ Например, см.: Lavra II. № 90.15, 18, 22–23, 33, 43, 76, 84, 113, 164, 171, 308–309, 332, 334; № 108.20, 75–76, 125–126, 131, 144, 155, 355, 658, 676, 688, 725, 868–869, 878–879.

наравне с черной «оростасией» — одной из двух выше описанных каменных межей — был сложен, по-видимому, из скальных пород, судя по упоминанию «уплощенной оростасии» (τὸ ἐπίπλατον ... ὀροστάσιον), для создания подобного сооружения — как и белой из тех двух выше описанных межей — могли быть использованы, наверное, известняковые плиты⁷⁰. А служившую межой на границе с владениями прониаров (получателей так называемой пронии — своеобразного византийского поместья) в хорионе Генна «кучу больших вросших камней», так же, как большие и малые «каменные кучи» на землях Линоброхея составляли, вероятно, ушедшие основанием в почву валуны или их осколки⁷¹. Подлинность же созданных таким образом сооружений удостоверяли установленными на них крестами⁷². Недаром одна из таких «каменных куч» получила название Креста⁷³. Впрочем, вырезанное изображение креста можно было найти и на крупных деревьях, таких, как платан на границе ватопедского метоха Св. Димитрия, где монахи заново отстроили пирг (жилую башню), населив ее крестьянами, которым надлежало обрабатывать прилегающие поля⁷⁴.

Многочисленные межевания и землеотводы бесконечно усложняли привычную и известную для каждого жителя деревни до последнего штриха картину его локально ограниченной жизненной территории, которая подвергалась непрерывным преобразованиям. Судя по данным актов конца раннего — начала развитого средневековья, уже тогда для разграничения церковно-монастырских владений с территориями окрестных сел или отдельными крестьянскими наделами зачастую использовали большие деревья, в частности, старые раскидистые дубы, на которых выставляли кресты и делали надписи⁷⁵. А по свидетельству акта размежевания церковно-монастырских земель конца XI в., на дороге, ведущей в проастиий (сельскую усадьбу) Мелициани — в поздневизантийский период известный как хорион — был установлен большой каменный «лаврат» с по-

---

⁷⁰ См.: Lavra II. № 90.93–94; № 108.42–43 etc.

⁷¹ См.: Lavra II. № 90.208; № 108.271–272, 349.

⁷² См.: Lavra II. № 108.482–483.

⁷³ См.: Lavra II. № 108.744.

⁷⁴ См.: Actes de Vatopédi / Ed. dipl. par J. Lefort et al. Paris, 2006. Vol. 2: Texte (Далее — Vatop. II). № 81A, esp. 31; № 81B, esp. 16–17, 18–19.

⁷⁵ См.: Actes d'Iviron / Ed. dipl. par J. Lefort et al. Paris, 1985. Vol. I: Texte (Далее — Ivir. I). № 9.33–35 etc.; Ivir. III. № 56.156, 164–165, 168, 191, 192, 193, 196–197, 199, 206–207, 208–209, 214.

лузатертой уже тогда надписью⁷⁶. Согласно грамоте 1059 г. прота Иллариона, владельцы земельного участка складывали «каменные кучи» (λιθοσφραῖα) собственными руками⁷⁷. Появляясь, подобные знамения времени неизбежно попадали в поле зрения местных селян. На сельских межах, как показывает акт размежевания в 1142 г. хорионов Радоливо и Семалты, устанавливали камни и кресты с условными обозначениями, которые служили на долгие времена специальными разграничительными знаками⁷⁸. Спустя полтора столетия, на рубеже XIII–XIV вв., собственникам этих сел, настоятелям и монахам двух афонских монастырей, ввиду возникшего между ними поземельного спора пришлось лично восстанавливать спорные границы землевладений, собственноручно складывая «кучи камней» (στίβας πετρῶν)⁷⁹. Для этого земельные собственники обратились к составленному некогда описанию границы, которая вместе с ее «каменными кучами», межевыми столбами и крестами, расчленила навсегда, как оказалось, пространство, лежавшее между четырех деревень и служившее некогда, до закрепления владельческих прав (τὰ δίκαια) на данную территорию названных хорионов, видимо, общей средой обитания их жителей⁸⁰.

Полностью схожая картина сельского пространства открывается и в материалах славянских документов, которые обозначают межи с помощью заимствованного из греческих земельных описей понятия «синор» и самобытной славянской терминологии. Она, как показывает С. Новакович, словно «живая метафора старого топографического языка», была выражением особого внимания и заботы селян к целостности сельской земли и установленным в ее пределах порядкам⁸¹.

Как совершенно очевидным образом явствует из такого рода документальных описаний, в них систематически наблюдается смешение разного рода компонентов жизненного пространства, благодаря чему наряду с реализацией на топографическом уровне принципа

⁷⁶ См.: Ivir. II. № 45.17.

⁷⁷ Actes de Vatopédi / Ed. dipl. par J. Vompaire et al. Paris, 2001. Vol. 1: Texte (Далее — Vatop. I). № 7.10–11. Эта замечательная зарисовка была воспроизведена столетия спустя в поддельном документе, в качестве образца которого использован акт прота Иллариона. См.: Ibid. Append. II.16 etc.

⁷⁸ См.: Ivir. III. № 55a.10–11.

⁷⁹ См.: Ivir. III. № 69.32–36.

⁸⁰ См.: Ivir. III. № 69.38–39 etc.

⁸¹ Подробнее см.: *Новаковић С.* Село. Београд, 1965. С. 65–66, 83.

локальности прослеживаются факты неполной дифференциации в сознании средневековых селян окружающего их предметного мира. В этом плане специфика средневекового сознания выступала во множестве аспектов и способов фиксации пространственно-топографических представлений, которые прямо или косвенно оказывали заметное влияние на восприятие и отображение социокультурных установок, принятых в сельском социуме. Прекрасным примером тому могут служить способы описания сельских дорог. В этой связи необходимо иметь в виду, что с позиций языкового восприятия пространства описания дорог относятся к отображению линейных физических предметов⁸². При этом в силу когнитивных особенностей их языковой категоризации такие пространственные объекты, как дороги обладают из трех возможных измерений двумя — длины и ширины, которые категоризируются как плоскость⁸³. Подлинное своеобразие описаниям дорог в византийских источниках придавало их средневековое восприятие в качестве объектов, пространственная ориентация и протяженность которых почти всегда определяются направлением дороги не просто по отношению к наблюдающему человеку, а посредством локализации тех населенных пунктов, которые она соединяет. При этом, описания путей сообщения в поздневизантийских актах, как правило, указывают ориентацию дороги в направлении от исходного, обычно удаленного по отношению к наблюдателю, топографического объекта к месту назначения, нередко более близкому к точке описания. Если в качестве пространственных ориентиров используются указания на села, то дорога описывается прежде всего как линия, за немногими исключениями, выходящая из удаленного села или иного поселения и ведущая, как сказано, порою к рядом расположенному населенному пункту⁸⁴. Аналогичным образом это наблюдение бывает справедливо, если такие сведения представляются важными, и для описания сельских троп⁸⁵.

Вместе с тем, территориально-географические аспекты организации социального пространства отнюдь не исчерпывают его сути, которая помимо внешних вех исполнена результатами разнообразной

---

⁸² См.: *Кравченко А.В.* Язык и восприятие. С. 31, 34.

⁸³ Там же. С. 37.

⁸⁴ Например, см.: *Actes de Docheiariou / Ed. dipl. par N. Oikonomidès.* Paris, 1984. Texte (Далее — Doch.). № 28.10–11, 16–17, 28–29; *Lavra II.* № 90. 270, 273–274 etc. Ср.: *Ibid.* № 108.407–408.

⁸⁵ Например, см.: *Lavra II.* № 90. 217–218. Ср.: *Ibid.* № 108.279–281; 603 etc.

активности человека на производстве и в быту, требующими осмысления внутреннего содержания жизненной среды, в том числе форм поселения⁸⁶. В этой связи речь должна идти не только о производственной деятельности и технологиях, но и о культуре в широком понимании слова, ибо социальное пространство человеческого поселения многолико. Оно охватывает и хозяйственные, и общественно-политические отношения, и культурные взаимосвязи отдельных субъектов, воплощающие в себе различные виды их жизнедеятельности⁸⁷. Иначе говоря, не может быть опущена оценка социокультурной роли поселения, что, разумеется, имеет прямое касательство и к поздневизантийскому селу. Именно в данном свете подлежит рассмотрению многое из того, что известно о его структуре и функциях, определявших социокультурный облик хориона, включая факты сооружения на его территории как хозяйственных объектов типа мельниц, так и культовых зданий — храмов и монастырей.

Надо сказать, что отмеченная сторона жизни византийского села получила в источниках, хотя и опосредованное, но достаточно отчетливое отображение. В частности, это подтверждают неоднократно упоминаемые в поздневизантийских актах топографических объектов, обозначаемых как некая «*τύμβη*», буквально — «курган» или просто «могила». Иначе говоря, это та предметная область, которая сама по себе ассоциируется с доселе недостаточно изученной ритуальной функцией византийского села. Впрочем, современные специалисты полагают, что сельские погосты наряду с городскими кладбищами убеждают в присутствии им всем общинном характере, выраженном в отношении византийцев к смерти и местам захоронения⁸⁸. В этой связи уместно сослаться на ряд земельных наделов, к которым Кефаллиникский практик относит в качестве эпитета определение «*ἐνταφιαστικόν*», т.е. «похоронный»⁸⁹. Происхожде-

---

⁸⁶ Ср.: *Виноградский В.Г.* Социальная организация. С. 76–77 и далее.

⁸⁷ Там же. С. 89–90 и далее.

⁸⁸ *Nallbani E.* Death and funerary Space in the Balkans in the Early Middle Ages // *Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies.* London, 21–26 August 2006. L., 2006. Vol. 3. P. 96–97; *Tritsaroli P., Gini-Tsophopoulou E.* Who, Where and How Dead were buried in Byzantine Times? Bioarchaeological Analysis of two Middle Byzantine Cemeteries from Attica and Beotia, Greece (Eleventh to Fourteenth Centuries) // *Ibid.* P. 97–98. Впрочем, до сегодняшнего дня, как показывают материалы заседаний соответствующей секции лондонского конгресса византистов 2006 г., объектом изучения специалистов преимущественно становятся элитарные захоронения и городские кладбища. См.: *Ibid.* Vol. 2. P. 62–66.

⁸⁹ См.: *Kefal.* Pr. 1002, 1003–1004, 1011, 1029–1030, 1030–1031.

ние столь неординарного обозначения можно объяснять как аналогию «подушному вкладу» со стороны прежних хозяев в церковное учреждение. Это не исключает, правда, с учетом ограниченного числа таких наделов и их сравнительно близкого друг к другу размещения, предположения об отводе части земель — соответственно описанию практика в районе монастыря Богородицы Атры — под место захоронений, иначе говоря, для организации нового или расширения старого кладбища. В таком случае название «похоронных» наделов обусловлено их ритуальным предназначением и отправлением принятой на Кефаллинии культовой обрядности.

Что же касается понятия *τύμβη*, приходится признать обнаруживающую себя в поздневизантийских документах его несомненную метонимичность. Достаточно привести сопровождающие названное понятие эпитеты и определения. В их ряду можно встретить не только разъяснение «самая малая» (*μικρά*)⁹⁰, но и сопутствующее ему иногда прилагательное «продолговатая» (*ἐπιμήκη*)⁹¹ или даже «острая»⁹². В поле зрения составителей землеописаний попадала также пространственная конфигурация этого топографического ориентира, скажем, «нарезанная полосой» (*λωρωτομητή*)⁹³. Но наиболее адекватно, по всей видимости, описание кургана, расположенного окрест хориона Русион, потому что оно в духе трактатов землемеров говорит о «вершине» и боковых сторонах (*τὰ πλευρά*) этой возвышенности⁹⁴.

Помимо формы документы освещают и физическое состояние курганов-«*τύμβη*», в особенности если возвышенность была «каменной» (*λιθώδης*)⁹⁵, «каменной» (*πέτρωτή*)⁹⁶ или оказывалась «вымощенной камнем», проще говоря — «булыжной» (*λιθόστρωτος*)⁹⁷. На этом фоне выделяется упоминание возвышенности Келлопеда («*χαμαίτύμβη*» или «*χαμαίτῃ τύμβη*»), т.е., по-видимому, покры-

⁹⁰ Lavra II. № 90.133, 210; № 108.273; Actes de Xéropotamou / Éd. dipl. par J. Vompaire. Paris, 1964. Texte (Далее — Xér.). № 19.17.

⁹¹ Lavra II. № 90.208, 225; № 108.271, 292, 345, 362.

⁹² Lavra II. № 108.489.

⁹³ Lavra II. № 90.132; № 108.205–206.

⁹⁴ Doch. № 28.9–10. Также см.: Actes de Chilandar / Ed. dipl. par M. Živojinović et. al. Paris, 1998. Vol. I: Texte (Далее — Chil. I). № 22.7, 35.

⁹⁵ Lavra II. № 90.224, 225, 288.

⁹⁶ Lavra II. № 108.635.

⁹⁷ Lavra II. № 108.607; Ivir. III. № 70.253; № 75.383–384; № 79.372; Ivir. IV. № 86.208.

той стелющимся виноградником⁹⁸. А на одной из самых малых «тимбэ» находилась, предположительно, «поросль дуба» (βόσιν δρυὸς)⁹⁹. Нужно удостоверить невозможность отождествления той или иной упоминаемой в периорисмах возвышенности-«τύμβη» с могилой, тем более, что «острый пригорок» (τύμβη), носивший название Керамидохома, описывается «вместе с ее дорогой»¹⁰⁰. А одна из «плоских (ἐπίπлатον) каменных межей» хориона Гимну была установлена непосредственно на «возвышении» (τύμβη), называемом «по-местному» (ἐγχωρίως) Принон¹⁰¹. Аналогично тому расположенное на горном гребне возвышение-«τύμβη» Аналипсимон украшала вросшая в землю скала с изображением креста¹⁰². На холме же Колокунта размещался земельный надел¹⁰³.

Одновременно обращают на себя внимание некоторые возвышенности, уподобляемые «τύμβη», от которой они берут свои обозначения. К примеру, известны три «горки» (βουνοτύμβας), в ряду которых перечисляются «меньшая» и «округлая», а третья — «плоская»¹⁰⁴. Нельзя выпустить из виду безымянный «бугор» (τυμβόβουνος)¹⁰⁵. Наиболее показательны упоминания о «самой большой каменистой курганной гряде (τυμβοράχης)» и таком же каменистом и к тому же заросшем дубом «бугре» (τυμβοβουλίου), «по-местному» названном Микри Крини, где границы землевладений пролегают через их подножие (τοὺς πρόποδας)¹⁰⁶. С этой точки зрения подножие различимо и собственно у возвышенности-«τύμβη», названной по имени некоего Цикала, как и у других таких же топографических объектов¹⁰⁷.

Разумеется, на этом примеры описаний возвышенности-«τύμβη» отнюдь не исчерпываются¹⁰⁸. Почти все они относятся

⁹⁸ Lavra II. № 90.266; № 108.398.

⁹⁹ Χέρ. № 19.17.

¹⁰⁰ Lavra II. № 108.489–490.

¹⁰¹ Lavra II. № 108.511.

¹⁰² Actes de Xénophon / Ed. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986. Texte (Далее — Χέν.). № 12.25–26; № 13.88–89. Также см.: Ibid. Append. I.7–9; Append. II.45.

¹⁰³ Χέν. № 14.35–36; № 25.85. Также см.: Ibid. Append. II.111.

¹⁰⁴ Lavra II. № 108.444, 447.

¹⁰⁵ Lavra II. № 108.917.

¹⁰⁶ Lavra II. № 90.98, 224–225, 248; № 108.290–291, 373. Также см.: Χέν. № 19.54–55; № 21.36.

¹⁰⁷ Lavra II. № 90.246–247; № 108.299, 584–585, 586; Vatop. II. № 81A.21–22; № 81B.8; Χέρ. № 19.30; Chil. I. № 22.11, 12, 41, 42–43.

¹⁰⁸ Также см.: Lavra II. № 108.500, 557, 854; Ivir. III. № 70.177, 186–187, 227; № 75.287–288, 299–301, 349–350; № 79.265, 278–279, 335; Ivir. IV. № 86.123, 134–135, 178–179; Doch. № 20.12; Vatop. II. № 82.105, 106; Χέρ. № 16.317; № 19.11; Chil. I. № 21.5.

к концу XIII — первой половине XIV в., когда многие курганы-«τύμβη» наравне со схожими с ними возвышенностями, по приведенным свидетельствам, получают от местных жителей собственные названия. В этой связи недостаточно сослаться на известное в ивирских практиках пашенное поле «τῆς Τύμβης», которое одновременно было названо «Великий хорафий»¹⁰⁹, или топотесию (территориальное образование, буквально — «местоположение») Тимбе («Τύμβη»)¹¹⁰. Ведь в ряду очевидно восходящих к этому понятию топонимов византинисты отмечают также названия местности и селения «Тимба» («Τύμβα»)¹¹¹. А ведь наряду с тем следует отметить местность Тимбанари (τὸν Τυμπαράρη) с расположенными там пашенными участками¹¹². Конечно же, нельзя не соотнести курганы-«τύμβη» с небольшими, по-видимому, насыпными холмами, которые получили в ряде актов XIV в. весьма схожее обозначение «τούμβη». Судить о том, чем отличаются эти два вида возвышенностей друг от друга, их описания не позволяют, а явное сходство названий побуждает к предположению о тождестве всех этих насыпных сооружений. Одно из первых их описаний относится к последней четверти XI в. Здесь отмечена «тумба» с присвоенным ей характерным названием Рахони (Ῥαχώνη), значение которого, по всей вероятности, адекватно выразит слово «хребтина»¹¹³. А другую «скалистую тумбу» (τὴν πέτρωτὴν τουμβὰν) местные жители называли Плакарий¹¹⁴. И хотя названия остальных аналогичных возвышенностей в этом районе остаются неизвестными, из описания следует, что на одной из них стоял храм Христа Спасителя, а на еще двух — мраморные колонны или столбы (στῆλαι), указывавшие, вероятно, на принадлежность землевладений¹¹⁵. Те же самые возвышения с месторасположением храма Христа Спасителя на одном и памятными «стелами» (στῆλαι) на двух других служат ориентирами при описании владений монастырского метоха Лавры Афанасия на стыке Ликосхисмы и Аэдаракастро́на спустя почти два с половиной столетия — в первой четверти XIV в.¹¹⁶ Что же касается внешнего

¹⁰⁹ См.: Ivir. III. № 70.437; № 75.580; № 79.567; Ivir. IV. № 86.441.

¹¹⁰ Vatop. II. № 82.23.

¹¹¹ См.: Paysages de Macédoine. P. 221, 256.

¹¹² Χέρ. № 16.259–261.

¹¹³ Lavra I. № 42.44.

¹¹⁴ Χέν. № 1.103–104.

¹¹⁵ Lavra I. № 42.53–54, 59–60.

¹¹⁶ Lavra II. № 112.37, 43.

облика этих возвышенностей, то «тумба» на границе землевладений монастырей Кастамониту и Каллиграфу в середине XIII в. была сложена, наверное, из находившихся там скальных обломков¹¹⁷. Однако завещание Феодора Скараны показывает, что на одной из такой возвышенностей-«*τοῦμταν*» местный крестьянин выседал чечевицу¹¹⁸. В свою очередь упоминание в перечне недвижимостей Дохиарского монастыря начала XIV в. земельного участка, обустроенного между двух насыпных холмов (*τοῦμτας*) сопряжено с соименным им собственным названием местности (*τὴν Τοῦμταν*)¹¹⁹. Видимо, здесь же, в «Тумбэ» (*τὴν Τοῦμβην*) было продано пашенное поле Ксиропотамскому монастырю¹²⁰. К тому же, согласно грамоте 1361 г. царя Стефана Уроша, жалованной Лавре Афанасия, там, в Тумбе (*οἱ Τοῦμβῆ*) был зарегистрирован ее парик со своею стасью¹²¹.

Конечно, можно лишь повторить, что каждое упоминание в земельных описях «курганов» нельзя расценивать как подлинные места захоронений, даже если соответствующее собственное название является реминисценцией некоей коллективной исторической памяти, наподобие названию «Болгарский курган» (*Βουλγαροτῦμβη*)¹²², или противоположно тому — речь идет о нарицательном обозначении «могилы» индивидуального лица, к примеру, «тимбе Палабоиоанна» (*ἡ τῦμβη τοῦ Παλαβοϊωάννου*)¹²³. Однако и такая интерпретация этих данных вовсе не исключается. Ярким подтверждением тому могут стать сведения дарственной 1285 г. иеромонаха Иосифа, в миру Иоанницы Варда, который после многих лет странствий нашел себе приют в хорионе Селада. Здесь он не только восстановил находившийся в безначалии местный храм, близ которого соорудил себе келью и возделал небольшой земельный участок¹²⁴. Проведя долгих шестнадцать лет на том месте, где Иосиф намеревался дожидаться своей кончины, он «построил свою могилу» (*τὸν τάφον μου οἰκοδόμησα*)¹²⁵. Передававшая эту мысль фразеоло-

¹¹⁷ Doch. № 7.31–32 etc., 36–37.

¹¹⁸ Хέρ. № 9 А.53–54; В.78.

¹¹⁹ Doch. № 10.15–16.

¹²⁰ Хέρ. № 16.279–280 etc.

¹²¹ *Анастасиевић Д.Н.* Српски архив Лавре Афонске // Споменик Српск. Краљ. Акад. Београд, 1922. Т. 56. № 48. С. 7.15 (= Законски споменици Српских држава Средњега века / Уред. Ст. Новаковић. Београд, 1912. С. 494).

¹²² Lavra II. № 90.80; № 108.24.

¹²³ См.: Ivir. III. № 70.172; № 75.281; № 79.258; Ivir. IV. № 86.117–118.

¹²⁴ См.: Lavra II. № 78.

¹²⁵ Lavra II. № 78.18.

гия свидетельствует о фундаментальности предполагаемого места захоронения, которое требовалось «строить» — словно дом или иное здание. Только сравнение с такой, пусть даже незаурядной, «могилой», пожалуй, объяснит и фактическое предназначение курганной насыпи-«*τὸ μῦθῆ*», в особенности, если она выростала, будучи укреплена в свое время камнями и другими подручными материалами, поблизости от сельского храма. Так, опираясь на уже использованный пример ивирских практиков с описанием *τὸ μῦθῆ*, над которой стояла заброшенная церковь, допустимо предположить, что в данном случае речь идет о действительном захоронении¹²⁶. Точно так же, по всей видимости, не станет большой натяжкой догадка о том и в отношении «могилы Св. Ильи», в честь которого была освящена, судя по всему, местная церковь¹²⁷.

Многие топографические объекты в глазах местных жителей неоспоримо приобретали переносное, метафорическое значение, устанавливающее, как говорит Ю.М. Лотман, отношение взаимодносного соответствия¹²⁸. Недаром во всех без исключения сельских местностях возникает сопряженная с их топографией топонимика в форме имен собственных, которые апеллируют и к какому-нибудь «источнику»¹²⁹, «реке»¹³⁰, «груде камней» (меже)¹³¹, «колодцу» — скажем, хорафий «Колодца смоковницы»¹³², к «серпу»¹³³, «гумну», в особенности, если оно «Старое»¹³⁴, «водяной мельнице»¹³⁵ или «хижине» («Каливе»)¹³⁶. Одновременно на памяти всплывает название виноградника «Пигадакион», буквально — виноградника «Ключиков», восходящее к уменьшительному обозначению источников. Оно, без сомнения, возникло, судя по сведениям Кефаллинского практика, благодаря местоположению названного участка

¹²⁶ Ivir. III. № 70.41; № 75.72–73; № 79.68; Ivir. IV. № 86.61.

¹²⁷ Например, см.: Ivir. III. № 70. 227; № 75.349–350; № 79.335; Ivir. IV. № 86.178–179.

¹²⁸ См.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С. 54–55.

¹²⁹ Например, см.: Kefal. Pr. 689, 796, 797, 803; № 17.38; Ivir. III. № 77.179; Actes du Pantocrator / Ed. dipl. par V. Kravari. Paris, 1991. Texte (Далее — Pant.). № 16.16.

¹³⁰ Например, см.: Kefal. Pr. 597.

¹³¹ Например, см.: Kefal. Pr. 489–490, 754.

¹³² Kefal. Pr. 461.

¹³³ Например, см.: Kefal. Pr. 94, 102, 112, 182, 205, 293, 352, 353, 370, 375, 379, 387 etc.

¹³⁴ Например, см.: Kefal. Pr. 686–687, 696, 819–820, 854.

¹³⁵ Например, см.: Kefal. Pr. 499.

¹³⁶ Например, см.: Kefal. Pr. 424, 451, 465, 466–467, 472.

выше самого источника, тогда как в том же «топосе источника», на запад от него, описаны и другие земельные наделы¹³⁷. И уж не счесть числа сельских топонимов, восходящих к названию «маслина» (Ἐλαία)¹³⁸.

С другой стороны, местный житель, наверное, не мог пройти без душевного трепета мимо скалистого обрыва, получившего после удара молнии красноречивое название «Изженный молоньей» (Ἰστραποκεκαυμένος)¹³⁹. В свою очередь, обозначение хорафия Ламия, буквально — «Расселина», весьма вероятно, обязано находящейся в той же перииохи (округе) «расселине вод»¹⁴⁰. Но кто знает, не объясняется само по себе столь редкое имя собственное теми ассоциациями, которые вызывала у окрестных жителей протекающая здесь вода, то ли благодаря непрерывному ее рокоту, напоминающему им неутомимого жука-«ламия», то ли из-за формы промытой водой впадины, которую воображение средневекового человека вполне могло олицетворять с образом соименного мифологического чудовища? Помимо каких-либо мифологических или сказочных ассоциаций в душах селян сохранялись вполне определенные исторические воспоминания. И в этом смысле важна не столько достоверность топонимических данных, сколько выражение в них местных преданий, содержащих намек будь то на уже упомянутый «Болгарский курган» (Βουλγαροτόμβη)¹⁴¹ или «поминки Влахов» (τὰ μνημεῖα τῶν Βλάχων)¹⁴². Впрочем, подобные аналогии, явно схожие по своему воздействию на воображение селян, чаще всего носили сугубо приземленный характер, и потому, наверное, естественно-природные очертания обусловили обозначение морской косы «Хиры», т.е. «Свиньи»¹⁴³. И очевидно, недавние реальные события, связанные с вражескими нападениями, повлекли появление на полуострове Кассандра названия лощины «Пленника» (τοῦ Αἰχμαλώτου)¹⁴⁴.

¹³⁷ См.: Kefal. Pr. 638–639 etc.

¹³⁸ Например, см.: Vatop. I. № 43.51, 59; № 64.103, 104; Vatop. II. № 143.1; Ivir. III. № 70.215; № 75.336; № 79.319; Ivir. IV. № 86.166; Lavra II. № 90.227; № 108.293; № 109.963–964; Actes de Lavra / Ed. dipl. par P. Lemerle et al. Paris, 1979. Vol. 3: Texte (Далее — Lavra III). № 161.45.

¹³⁹ См.: Lavra II. № 90.63; № 108.186.

¹⁴⁰ См.: Kefal. Pr. 673–674, 719.

¹⁴¹ Lavra II. № 90.80; № 108.24.

¹⁴² Lavra II. № 90.65–66; № 108.198.

¹⁴³ Doch. № 20.32.

¹⁴⁴ Vatop. II. № 71.21.

В любом случае местной сельской топонимике преимущественно были свойственны черты, в большой мере сообразованные с потребностью селянина легко ориентироваться в занимаемой им среде обитания. И как проистекающее из того следствие на карте села появляются собственные названия, уточняющие содержание апеллиатива с помощью дополнительных признаков, скажем, «Малые Кунтиасты» (τοὺς μικροὺς Κουντίαστας) и в противоположность тому — «Большие Кунтиасты» (τοὺς μεγάλους Κουντίαστας)¹⁴⁵. И уже нет нужды обстоятельно рассуждать о таких названиях как Ано Хорион (Ἄνω Χωρίον), означающее буквально «Верхнее Село»¹⁴⁶. Правда, подобный прагматизм также оставляет для исследователя без ответа не один вопрос. Допустим, весьма затруднительно объяснить название типа «Маврово поле» и порою встречающиеся тому подобные топонимы¹⁴⁷. В частности, вызывает недоумение имя собственное «Маврохорион» (Μαυροχώριον), т.е. «Черное село»¹⁴⁸. Даже замечание, которое приводится в описях хориона Иериссо, о том, что здесь так называли обрабатываемую землю, не может показать достоверный смысл этого топонима¹⁴⁹. Предположение о том, что он подразумевает черноземье, навсегда останется догадкой. Словом, это название само по себе вряд ли когда-либо раскроет свою тайну. Очевидно другое — для односельчан ее не существовало, и они в повседневном общении друг с другом хорошо понимали, о чем идет речь.

Где бы и когда бы ни возникали на селе собственные названия, они, без сомнения, являлись выражением того уровня коллективного сознания, кое взывало к семиотическому пространству, как его определяет Ю.М. Лотман¹⁵⁰, социальной культуры местных селян. Яркое подтверждение тому дают воспроизводимые в документах подчас с изрядной систематичностью наряду с принятыми официально, местные, если можно так сказать, народные названия отдельных топонимов¹⁵¹. Доказательством тому служит не

¹⁴⁵ Doch. № 20.31–32.

¹⁴⁶ Например, см.: Ivir. III. № 75.167; № 79.145–146.

¹⁴⁷ Например, см.: *Острогорски Г.* Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965. С. 24.

¹⁴⁸ Например, см.: Ivir. III. № 70.164, 225; № 75.272–273, 347–348; № 79.249, 332–333; Ivir. IV. № 86.109–110, 176–177; Xén. № 14.20; № 25.3; Lavra III. № 136.44; № 139.127.

¹⁴⁹ См.: Ivir. III. № 70.221–222; № 75.343; № 79.327–328; Ivir. IV. № 86.173.

¹⁵⁰ См.: *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. С. 163–166.

¹⁵¹ Например, см.: Lavra II. № 90.81, 104, 166–167, 248, 252–253, 260–261, 261–262; № 108.26, 50, 59, 190, 291, 316, 373, 399–400, 444, 457, 466, 480, 511, 517–518, 520, 599, 634, 642–643, 674, 715, 733, 798, 872, 896.

только находившееся на поле Меманиомену «так называемое по-местному» (οὐτωςὲ τοπικῶς λεγόμενον) местечко Сарракиникон, т.е. «сарацинское»¹⁵². И ведь это наименование отнюдь не единственный пример «местной» топонимики¹⁵³. Здесь следует вспомнить о топотесии Арсеникея, которую из-за созданного там крупного мельничного комплекса местные жители переименовали в топотесию «Мельниц»¹⁵⁴.

Подобные местные названия могли возникать в процессе синтеза греческой и славянской культурной традиций, который на примере топонимики сельских селений серро-струмского района Македонии довольно ярко осветил Г. Острогорский¹⁵⁵. К ряду таких «местных прозваний» (ἐχωρίως... λεγόμενη) относится топотесия Завалтия в хорионе Коцаки, наименование которого (τὸ χωρίον τὸ οὐτωςὲ τοῦ Κотζάκη λεγόμενον), по-видимому, также резало слух окрестных землевладельцев и чиновников, судя по пояснению, в виду своеобычности¹⁵⁶. На этом фоне название селения на Стримоне «Водича» (Βοδίτζα), кажется, оставшееся вне поля зрения югославского историка, не нуждается ни в каком пояснении¹⁵⁷. Наряду с селами свое собственное — особое название мог получить даже источник воды, как это наблюдается в Несионе на Стримоне, где афонскому монастырю Пантократора принадлежало право «...источниковой воды, называемой по-местному Воблицу» (τὴν ὑπόρεια... τοῦ πηγαίου ὕδατος τοῦ οὕτως ἐπιχωρίως λεγομένου Βομπλητζοῦ)¹⁵⁸. А это название, в свою очередь, явным образом созвучно с расположенным на Ликосхиме хорионом Воблиани (Βομπλιανή)¹⁵⁹. Совершенно своеобычное собственное название получила от местных жителей, по-видимому, большая топь или трясына (λακκόσταμα) в окрестностях Липсохориона и села Мелициани — «Древана Лукува» (Δρεβανὰ Λούκουβα), которое, судя по своему созвучию, соеди-

¹⁵² См.: Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1871. Vol. 4. T. 1 (Далее — ММ. IV). 159.

¹⁵³ Например, см.: ММ. IV. 246.

¹⁵⁴ См.: Lavra II. № 109.911–912.

¹⁵⁵ Острогорски Г. Серска област. С. 52–56.

¹⁵⁶ Ivir. III. № 81.3, 14–15. На особенности названия села Коцаки и очевидно родственного тому Куцово в свое время обратил внимание Г. Острогорский. См.: Острогорски Г. Серска област. С. 52, 54. Также см.: Paysages de Macédoine. P. 177, 179.

¹⁵⁷ Ivir. III. № 74.177.

¹⁵⁸ См.: Pant. № 16.12; № 17.29–30 = ММ. II. 217.

¹⁵⁹ См.: Pant. № 16.17; № 17.40 = ММ. II. 217–218. Также см.: Paysages de Macédoine. P. 134.

нило в себе истари засвидетельствованное актами славянское и греческое имятворчество¹⁶⁰.

Наряду с природно-естественными признаками важнейшим фактором возникновения сельской топонимики, очевидно, служила производственная деятельность человека. Она находила свое прямое или опосредованное отображение независимо от положительной и, даже напротив, отрицательной оценки результатов попыток сельских тружеников изменить окружающую их среду. Показательно в этом плане название местности расположения хорафиев, принадлежавших Лавре Афанасия — Какон Трафон (Κακὸν Τράφον), т.е. говоря буквально — «Дурная канава»¹⁶¹. Схожим образом прозван местными жителями и «Дурной ручей» (Κακὸν Ῥύακα)¹⁶². В то же время периорисмы хориона Пинссон конца XIII–XIV вв. устанавливают его границы у возвышенности, где, видимо, осуществлялся выпас скота. Потому устройство здесь, наверное, навозной ямы дало основание для соответствующего имени холма, «называемого Вузиариу» (Βουζιάριου), иначе — холма «Навозника»¹⁶³.

Важнейшей чертой идентификации пространства средневекового византийского села всегда являлась антропонимика. Изучавшие общие принципы формирования личных имен обитателей византийского села французские специалисты опрометчиво упустили из поля своего зрения факты проекции антропонимических данных на топонимику¹⁶⁴. Разумеется, в первую очередь их использование, конечно, объясняет стремление жителей села обозначить с помощью своих имен или имен своих соседей принадлежность или даже права собственности на недвижимые имущества и, в особенности, земельные участки, которые были возделаны или использовались в иных хозяйственных целях. В ряду примеров такого рода могут быть отмечены, скажем, пашенные поля, виноградники или сады, а

---

¹⁶⁰ См.: Ivir. III. № 70.42–43; № 75.73–74; № 79.69–70; Ivir. IV. № 86.62. Также см.: Ivir. I. № 29.22; Ivir. II. № 52.530–531. Принятые объяснения см.: *Dujčev I. Slavica dans les Acta Athoa. I // Byzantinobulgarica. Sofia, 1978. Vol. V. P. 296; Brunet Fr. Sur L'Hellénisation des toponymes slaves en Macédoine byzantine // Travaux et Mémoires. Paris, 1985. Vol. IX. P. 261. Название «Лукува», возможно, восходит к группе понятий со спектром значений от «болота» до «поемного луга». Ср.: *lǫka и другие. См.: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1990. Вып. 16. С. 141 и далее.*

¹⁶¹ Lavra II. № 101.13.

¹⁶² Lavra II. № 108.443–444.

¹⁶³ Lavra II. № 90.7–8; № 108.108.

¹⁶⁴ Подробнее см.: *Anthroponymie et société. P. 225–238.*

также, допустим, гумно, мельница и тому подобные объекты сельскохозяйственного предназначения¹⁶⁵. С помощью личных имен держателей составители описей отмечали даже рвы, разделявшие земельные участки в поле¹⁶⁶. А в некоторых случаях подобные сведения касались непосредственно усадьбы (καθ᾽ ἑδρα) с жилищем¹⁶⁷.

Подчас в поземельных описях личное имя землевладельца и держателя земельного участка сопровождало указание их социального статуса. С наибольшей последовательностью, кажется, этот принцип соблюдался в отношении париков¹⁶⁸. Или, по крайней мере, делалась ссылка на место жительства¹⁶⁹. В конечном счете, идентификация земельного надела по личному имени происходила и в случаях, опосредованных близостью с соседним участком, т.е. по имени соседа¹⁷⁰.

Принятая система атрибуции недвижимости по личному имени владельца прослеживается также и в процессе разграничения юридических прав собственности (τὰ δίκαια). Правда, тогда ссылки на имена париков могут частично деперсонифицироваться, иначе

---

¹⁶⁵ Например, см: Lavra II. № 90.74, 297, 338, 344–345, 346, 366; № 108.13, 140, 142 etc., 159, 224–225, 226, 437, 639, 650, 669, 670, 840–842, 849; Ivir. III. № 70.161, 162, 163, 164, 168, 170, 173, 189, 192, 193, 194, 196, 197, 199, 202, 204, 205, 206, 207, 216, 217, 218, 218–219, 223–224, 328 etc., 392, 395, 396, 397, 399; № 75.267–268, 269, 270, 271–272, 274, 277, 283, 303, 309, 310, 312, 313, 316, 319–320, 321, 322–323, 324, 325, 326, 333–334, 337, 338–339, 340, 345, 350, 359–360, 447 etc., 523, 526–527, 528, 529–530; № 79.243, 245, 246, 248, 248–249, 250, 253, 256, 260, 282, 286, 288–289, 291, 292–293, 297, 300–301, 302, 303–304, 305, 306–307, 308, 320–321, 322–323, 324, 330, 434, 437 etc., 512–513, 516, 518, 519, 521, 530; Ivir. IV. № 86.105, 107, 109, 111, 113, 116, 119, 138, 141–142, 143, 145, 146, 149, 152–153, 154, 156, 157, 157–158, 167, 169, 170, 175, 179, 340–341 etc., 401, 404, 405, 406, 408, 415; Vatop. II. № 81A.27, 28, 33, 34, 35, 36, 37, 39; № 81B.14, 15, 21, 22, 23, 27, 32–33.

¹⁶⁶ Например, см.: Lavra II. № 90.73–74, 141 etc., 172; № 108.14, 134–135, 143, 224–225 etc., 277, 870–871; Ivir. III. № 70.326 etc., 392, 397; № 75.447 etc., 522–523; № 79.434 etc., 512–513, 519, 529–530; Ivir. IV. № 86.340 etc., 406.

¹⁶⁷ Например, см.: Lavra II. № 90.181, 201; № 108.40–41, 341–342, 431, 585–587, 914; Ivir. III. № 70.114, 191–192; № 75.216, 306–307; № 79.285, 552; Ivir. IV. № 86.140–141, 296–297, 427.

¹⁶⁸ Например, см.: Lavra II. № 90.17–18, 148 etc., 164, 213–214, 216, 259; № 108.124–125, 277, 386, 869; Ivir. III. № 70.326, 330–331; № 75.447–448; № 79.434–435; Ivir. IV. № 86.340–341.

¹⁶⁹ Например, ср.: Lavra II. № 90.150 — Lavra II. № 108.224–225.

¹⁷⁰ Например, ср.: Lavra II. № 90.374–375; Lavra II. № 108.528, 529, 530, 535–536, 537 etc., 556 etc., 735 etc., 750 etc., 763 etc., 768, 789 etc.; Ivir. III. № 70.229–230 etc., 239–240 etc., 439–440 etc.; № 75.284 etc., 353–353 etc., 582 etc.; № 79.338–339 etc., 350 etc., 570 etc.; Ivir. IV. № 86.181–182 etc., 187–188 etc., 343–344; Vatop. II. № 82. 18 etc.

говоря, указываются только их родовые прозвания в обобщенной форме, а сама их идентификация дополняется собственным именем их господина, как это видно на примере собственнических прав поселка-катедры Калиптинов (τῶν Καλιπτῆριῶν), париков некоего Исавра¹⁷¹. Известны множество документальных примеров, в том числе заимствованных из практиков и поземельных описей, «прав» частных лиц¹⁷². Однако сравнение их имен показывает, что их большая часть в поздневизантийской деревне относится к прониарам, сановникам и должностным лицам, о чем говорят соответствующие атрибуты их владельческих «прав»¹⁷³.

Между тем, с точки зрения восприятия односельчанами окружавшего их пространства наиболее выразительны данные антропонимики обобщенно-собирающего характера. Они, как правило, восходят к именам собственным, преимущественно к названиям, скажем, сел и монастырей, чьи совместно проживавшие насельники формировали на протяжении десятилетий устойчивые группы жителей. К их нарицательным обозначениям, таким как, скажем, «иериссиоты» — от названия хориона Иериссо, под которыми подразумевались обитатели этого села, в частности, парики — составители фискальной документации прибегали при необходимости обозначения владельческой принадлежности недвижимости и тому подобных топографических объектов¹⁷⁴. Зачастую же подобная собирающая антропонимика документов, и в первую очередь поземельных описей, бывает соотнесена с обозначением «прав» собственности (τὰ δίκαια). При этом, купно указывались поземельные владения не только монастырей, но и жителей сел¹⁷⁵. Их нарицательные обозначения, «вторично» прилагаемые к топографическим опи-

---

¹⁷¹ Lavra II. № 108.756–757.

¹⁷² Например, см.: Lavra II. № 90.205, 218, 228, 235 etc., 289; № 108.38 etc., 44, 219 etc., 294 etc., 313 etc., 432, 462 etc., 822; Ivir. III. № 70.194, 346, 352, 398, 408 etc., 448; № 75.309–310, 474, 481, 544 etc.; № 79.270, 278, 459; Ivir. IV. № 86.360, 361, 367, 420; Vatop. II. № 82.51, 66, 74.

¹⁷³ Например, см.: Lavra II. № 90.139, 141, 144, 147, 159–160, 184, 196 etc., 208–209 etc., 221, 242, 245–246, 280, 283, 373, 374; № 108.110, 213, 216–217, 239 etc., 259 etc., 272 etc., 349 etc., 364–365 etc., 369–370 etc., 419, 422, 429–430 etc. 476–477 etc.; Ivir. III. № 70.42–443; № 75.586, 591–592; Vatop. II. № 81A.32, 36; № 81B.20, 24; № 82.15–16, 91 etc.

¹⁷⁴ Например, ср.: Lavra II. № 90.302, 322–324, 327, 367; № 108.708, 718; Ivir. III. № 70.169; № 75.278; № 79.255; Ivir. IV. № 86.115.

¹⁷⁵ Например, см.: Lavra II. № 90.240 etc., 283 etc.; № 108.363 etc., 379–380 etc., 419 etc., 844 etc.

саниям, в ряде случаев превращались в фактически новые подлин-ные топонимы, наподобие ведущих от названий сел «Аврамитов» (τῶν Ἀβραμίτων), «Дримоситов» (τῶν Δριμοσίτων), «Иерисситов» (τῶν Ἰερυσσιωτῶν), «Мистаконов» (τῶν Μυστακῶνων), «Стриммонитов» (Στρυμμοινοῦς), «Хлиаропотамино» (τῶν Χλιαροποταμινῶν) и, надо думать, многих других¹⁷⁶.

Топонимы, возникавшие, как показано, на основе антропони-мики независимо от того, восходили ли они к личным именам индивидов или к собирательным их обозначениям, изначально появлялись в тех частях территории села, которые так или иначе были обжиты и введены в хозяйственный оборот прежде всего посредством строительства домов и подсобных построек, прове-дения земледельческих работ и животноводства. Но с течением времени персонифицируемая топонимика распространялась и на периферию сельской территории, практически не отделенную от «дикой природы». Здесь с течением времени также приживаются новые антропонимические названия, которые прилагались, что важ-но подчеркнуть, не к хозяйственным, а естественно-природным объектам. В их числе примером служат и «ручей, зовомый Феодоры»¹⁷⁷, высохший ручей Захария¹⁷⁸ и ручей Курвоелены¹⁷⁹. Равным образом могут быть названы ключ Гостилы¹⁸⁰ и ключ Та-раса¹⁸¹, а также «источник, зовомый Михаила»¹⁸². Наиболее по-казательно сравнение топонимов в окрестностях хориона Гомату, сопряженных с именем некоего обитателя Петрилы. Среди них следует отметить не только гумно Петрилы¹⁸³, но и «укорененную великую скалу, которая называется “Оплот Петрилы” (τοῦ Πετρίλα τὸ Πρόκιμμα)»¹⁸⁴.

Словом, процесс «имянаречения» окрестностей селений, несо-мненно, продолжавшийся многие годы, по сути отображает, фигу-рально говоря, «приватизацию» социокультурного пространства

¹⁷⁶ Например, см.: Lavra II. № 90.158, 263–264, 276–277, 283 etc., 323; № 108.380 etc., 410 etc., 423 etc., 462 etc., 708, 722, 861 etc.; Ivir. III. № 70.169, 180–181, 186–187; № 75.278, 292, 300, 466; № 79.255, 270, 278, 452; Ivir. IV. № 86.127, 134–135, 354.

¹⁷⁷ Lavra II. № 90.364.

¹⁷⁸ Lavra II. № 108.594.

¹⁷⁹ Ivir. III. № 70.180; № 75.291; № 79.269; Ivir. IV. № 86.127.

¹⁸⁰ Lavra II. № 90.305; № 108.620.

¹⁸¹ Lavra II. № 108.793.

¹⁸² Vatop. II. № 82.68.

¹⁸³ Lavra II. № 108.607.

¹⁸⁴ Lavra II. № 108.605.

селян. Она сопутствовала восприятию в общественном сознании тех бытовых представлений и настроений, которые реализуются в форме топонимов по мере того, как происходило успешное хозяйственное освоение односельчанами территории их родного села.

Как показано на примерах курганов-«*τύμβη*» и других проблемных описаний сельских территорий, далеко не все вопросы, связанные с восприятием средневековыми жителями села окружающего их пространства, решаются с непрекословной однозначностью. В итоге все отмеченные способы топографических описаний выступают важным компонентом более широких топологических представлений, посредством которых в общественном сознании достигается иерархизация социального пространства деревни. Недаром представления селян об основном месте их проживания обрастают многочисленной терминологией, отображающей складывание на территории села различных хозяйственных и административно-правовых образований, начиная с «периохи» (*περιοχή*) — собственно обозначения территории хориона. В использованных примерах упоминаются также «топотесия», «топос», «катедра» (усадьба), а кроме них следует, конечно, назвать «стась» (*στάσις*) — «хозяйство», а также многочисленные названия разного рода господских имений и поселков. Наконец, к этой понятийно-терминологической «лестнице» присовокупляются, как было показано, представления византийцев о правах собственности (*τὰ δίκαια*) как претворения в повседневной жизни юридических отношений в их самом общем виде¹⁸⁵. И в этой многоступенчатой структуре чрезвычайно подвижных и переменчивых названий наряду с обозначениями различных административных городских центров и сельских селений, включая поселки и хутора, равно и всех иных естественно-природных топонимических объектов, заметная доля которых благодаря антропонимике приписана человеку и созданным им коллективам, находит свое место и «хорион», и, как было показано, близкая ему по социокультурной значимости «хора». Конечно, порою «хорион» уступает многим другим пространственным объектам, подчас даже пиргам, так называемым жилым башням. Тем не менее, в общественном сознании и «хорион», и столь же важная в глазах византийцев по

---

¹⁸⁵ Подробнее см.: *Вин Ю.Я.* К вопросу о социально-экономическом содержании термина «*τὰ δίκαια*» византийских документов: основные направления исследования // *Российское византиноведение: итоги и перспективы.* М., 1994. С. 34–36.

своей социокультурной роли «хора» выступают в качестве главных пространственных ориентиров в социальном мире селян. А многовековая преемственность бесчисленной сельской топонимики прямо или косвенно подтверждает справедливость постулата о сопряженности пространственно-временных представлений средневекового человека.